П. Ю. Гагарина

студентка группы 21Фм1607
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

ФОНОВЫЙ ПЕРСОНАЖ В СИСТЕМЕ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ РОМАНА Л. ЛЕОНОВА «ВОР» (1991)

Ключевые слова: леоноведение, роман «Вор», система персонажей, женские персонажи, фоновые персонажи.

Роман Л. Леонова «Вор», написанный в 1927 г., подвергся двум крупным редакциям (первая — в 1927 г., вторая — в 1959 г.) и нескольким менее значительным правкам: 1932, 1934, 1936, 1982, 1990,

1991 гг. Разница между первой и второй редакциями настолько велика, что многие исследователи (И. Верч, Н. А. Грознова, С. Н. Бурова) пишут о правомерности называть их двумя разными книгами, так как они представляют собой «два различных мировоззрения, выражающихся двумя различными и даже противоположными поэтиками» [1].

В данной статье рассматривается вторая редакция правки 1991 г.

Под фоновым персонажем будем понимать «собственно “фон”, вспомогательных персонажей», «не принимающих непосредственного участия в действии и не влияющих на развитие сюжета» [2]. Женские фоновые персонажи романа «Вор» малоизучены. Они тем не менее играют значимую роль в тексте и соотносятся с системой женских персонажей не только с формальной точки зрения (половая принадлежность), но и по функции (раскрытие и уточнение центральных персонажей). Кроме того, при помощи фоновых персонажей в текст вводится ряд мотивов и тем.

Одним из персонажей, относящимся к уровню фоновых, но тем не менее проходящим через все повествование, является Бундюкова. Данный персонаж появляется в тексте 6 раз и практически не контактирует с центральными персонажами, не указывается ее имя, но есть указания на социальный статус: «безработная» и «супруга Бундюкова». Отсутствие имени может указывать на тесную спаянность пары Бундюковых, нередко в тексте они появляются как неделимый образ: «Безработные супруги пили кофе и слушали радио с наушниками на голове» [3, с. 219]. Тем не менее Бундюкова выделена как отдельное действующее лицо и является носителем определенной морали.

С образом Бундюковой связан определенный устойчивый набор мотивов и номинаций. С ней сопряжен мотив еды: каждое появление этого персонажа в тексте связано с приготовлением еды. Значимо то, что автором подчеркивается аромат этой еды, причем в описании аромата неизменно присутствует негативная семантика: «липкий сладкий смрад», «сладко-тяжкий аромат», и только на похоронах центральной героини романа блины Бундюковой распространяли «аромат оптимизма» [3, с. 300, 375, 597]. В последнем случае парадоксальное сочетание трагичности ситуации и «оптимизма» запаха придает иронический оттенок образу Бундюковой, еда оттесняет человеческую смерть, вечное заменяется сиюминутным. Такой же

характер носит антиномичность сочетания «смрада», неприятного запаха и сладости ее блюд, которая также отмечается в тексте. Сопровождающий Бундюкову мотив еды становится индикатором ее сугубо бытовой направленности, приземленности.

Между тем наиболее частотно взаимодействие этого персонажа с Зиной Балуевой, принадлежащей к уровню второстепенных персонажей и значительно влияющей на идейно-содержательную наполненность романа. Между Зиной и Бундюковой можно проследить ряд параллелей. Сходны их биографии: Бундюкова была трижды замужем, в тексте фигурируют три избранника Зины. Фирсов, персонаж-писатель, в своей повести косвенно сравнивает Зину и Бундюкову, предсказывая преображение Балуевой в «Чикилиху», «перед которой посмирнеет неукротимая Бундюкова» [3, с. 467]. Показательно, что данная аналогия возникает после замужества Балуевой, маркированного в тексте как событие, после которого следует метаморфоза образа. Бундюкова выступает в качестве двойника Зины, иллюстрируя ее трансформацию после свадьбы с Чикилевым, то есть представляет собой возможный вариант развития образа Зины. Подтверждает эту мысль и сходство Чикилева и Бундюкова. Чикилеву приписывается «презрение к сочинительскому ремеслу» [Там же, с. 445], Бундюков замечает, что «все книги по злобе написаны» [Там же, с. 314]. Бундюков беспокоится о том, чтобы вести себя «прилично» (не посещает пивных «из страха влипнуть в историю»), Чикилев «заблаговременно и без разбору» «одобрял все, что бы ни случилось в его учреждении», заботясь о производимом на начальство впечатлении [Там же, с. 452]. Бундюков постоянно подслушивает, Чикилев — пишет доносы, нарушая тем самым границы частной жизни. Бундюков завидует «высокому» положению Чикилева, позволяющему чиновнику покупать вино за два рубля. У них одинаковая система ценностей, и оба эти персонажа могут быть подведены под категорию «ужаленных обывателей», обладающих искаженной моралью. Родство Чикилева и Бундюкова сближает Зину и Бундюкову. Балуева говорит, что скоро в ней «застекленеет душа» и она «вернется к материну корыту» [Там же, с. 400]. Бундюкова иллюстрирует тип женщины с «застекленевшей душой». Таким образом, фоновый персонаж Бундюкова связана отношениями двойничества с персонажем второго плана Зиной. Однако функцию двойника Бундюкова будет выполнять в возможном развертывании образа Зины Балуевой

в будущем, находящемся за пределами повествования, но отмеченном в повести Фирсова.

Однако, в отличие от мужа, Бундюкова не однонаправленный персонаж, она обладает набором амбивалентных качеств. В эпизоде Зининых именин она «режущим римским голосом» пытается прервать рассказ-«разоблачение» Чикилева, вступая в конфликт с собравшимися, желающими услышать историю, и оказываясь на одной стороне с главными протагонистами [3, с. 325]. Можно провести параллель между этим эпизодом и моментом, где Зина заступается за Манюкина («Пьяный, несчастный, ломается, а вы потакаете») [Там же, с. 125], также прерывая начинающееся веселье. Это сравнение вновь обнаруживает родство двух данных персонажей. Однако данные эпизоды не полные дублеты, в эпизоде с Бундюковой происходит искажение ситуации. Протестует Бундюкова не против вторжения в чужую жизнь, а против пикантных подробностей, ссылаясь на присутствие детей и «незамужних женщин». «Побольше бы нам таких описаний, только особо сальные места лучше точками обозначать», — замечает она [Там же, с. 334]. Таким образом, ее мораль не выходит за рамки «соблюдения обязательных приличий» и схожа с моралью супруга.

Неоднозначность образа Бундюковой прослеживается и в том, что она становится интерпретатором библейской притчи о яблоке змея. В трактовке Бундюковой этот метасюжет приобретает бытовой, сниженный характер: Адам «сто пятьдесят годков» «противился» Еве, пока ее «не надоумил черт яблочком» [Там же, с. 390]. Притча о грехопадении в этом толковании исчерпывается телесным взаимоотношением полов, на первый план выходит трагедия женщины, которая хотя и выступает пособником «черта», но отнюдь не является носителем зла.

Мотив грехопадения и изгнания из рая является одним из ключевых для данного романа. Притчу о поисках потерянного рая рассказывает Пчхов, персонаж, которому доверяется выражение значимых для понимания текста идей. Сама притча также крайне значима. Эта притча не раз становилась объектом изучения и значительна не только для понимания художественно-идейного плана этого произведения, но и для всего творчества Л. Леонова. За счет двукратного обращения к одной и той же библейской реминисценции возникает «удвоенное повествование», «двоящийся взгляд на мир» [4, с. 403],

причем данная тема получает двойное освещение: предельно бытовое и философское. Обнаруживается имплицитный диалог между двумя абсолютно разными персонажами: Бундюковой и Пчховым. Примечательно, что в притче Бундюковой упущен элемент изгнания из рая, в ее истории важнее факт поражения Адама. Адам и Ева в ее варианте будто бы остались в райских садах. В трактовке Пчхова Адам и Ева в раю «ровно детки, на полных харчах состояли» [3, с. 156]. В мире Бундюковой еда имеет первостепенное, основополагающее значение, и безработные супруги тем не менее «на крыжовное и малиновое варенье наскребли капиталу» [Там же, с. 390]. Бундюкова тождественна с героями своей притчи, не утратившими бытового рая, сниженный характер этого переложения библейского метасюжета коррелирует с ее образом. Несмотря на то, что Пчхов — герой совершенно другого типа, между ним и Бундюковой есть ряд перекличек, помимо обращения к одному библейскому преданию. Пчхов не только занимается слесарным делом и всегда фигурирует в тексте что-то ремонтирующим, но и известен в Благуше как «великий мастер» [Там же, с. 13], мастер на все руки. Бундюкова, как уже отмечалось ранее, появляется в тексте вместе с кулинарными мотивами и является «общепризнанной умницей» [Там же, с. 600]. Бундюкова выступает как ироническая, сниженная модификация образа Пчхова.

Итак, одна из форм связи, скрепляющая разные уровни персонажной сферы, — отношения двойничества, которые возникают между персонажами «фона» и основными женскими образами. Во взаимодействии с фоновыми персонажами не только уточняется характеристика основных персонажей, но и задается другой вектор развития образа. Двойником Зинки Балуевой на уровне фоновых персонажей выступает Бундюкова, ее соседка. Кроме того, этот персонаж представляет собой сниженный вариант Пчхова.

Список литературы

1. Верч И. В. К вопросу о так называемой «традиции» Достоевского в двух редакциях романа «Вор» Л. М. Леонова // International Dostoevsky Society. Toronto, 1981. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/DS/02/119.shtml (дата обращения: 20.12.2016).
2. Зотов С. Н. Основы анализа системы персонажей литературно-художественного произведения. Таганрог: ТГПИ, 1991. URL: http://czotov.ru/content.php?id=99125 (дата обращения: 20.12.2016).

3. Леонов Л. М. Вор: роман. М.: Эксмо, 2014. 640 с.
4. Якимова Л. П. Притча как семантико-эстетическое основание художественного мира Леонида Леонова // Притча в русской словесности: от Средневековья к современности: коллективная монография. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. С. 379-419.